

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ КРИЗИС: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОБЫТИЙ НА ПЛОЩАДИ ТЯНЬАНЬМЭНЬ В 1989 ГОДУ

Иван ЗУЕНКО
МГИМО МИД России

Аннотация: Статья представляет собой попытку ревизии представлений о последствиях политического кризиса КНР в 1989 г. (самым известным эпизодом которого являются события на площади Тяньаньмэнь в Пекине) в контексте сравнения с советскими/российскими реалиями рубежа 1980–90-х гг. Подобная постановка вопроса неоднократно встречалась в российских исследованиях, однако недостатком имеющихся выводов об этих событиях является недостаточно детализированное изложение китайской фактуры, желание подстроить ее к российской повестке, упрощение сложных причинно-следственных связей. В результате выводы, которые в основном сводятся к обоснованию правильности решения китайского руководства подавить протесты, представляются излишне ангажированными, неаргументированными. Данная статья призвана с опорой на исторические документы объяснить, каким именно образом произошло укрепление власти КПК после подавления тяньаньмэньских событий. И почему события на площади Тяньаньмэнь 1989 г. стали своего рода «системообразующим кризисом», который завершил длительный переходный период, начавшийся после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. и открыл новую веху в истории Китая, оказавшуюся крайне благоприятным временем с точки зрения социально-экономического развития.

Ключевые слова: Китай, Тяньаньмэнь, кризис, реформы, Дэн Сяопин, Чжао Цзяян, Цзян Цзэминь, Чжу Жунцзи

Зуенко Иван Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, старший научный сотрудник Центра евроазиатских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-9853-9703. E-mail: i.zuenko@inno.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 11.05.2023

Принята к публикации: 15.07.2023

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Политический кризис в КНР в 1989 г.¹ является важной вехой в развитии современного Китая. Не будет преувеличением сказать, что из трагедии «пекинской весны» родился тот Китай, который совершил «экономическое чудо» и стал второй экономикой мира. К моменту кризиса реформы проводились уже более десяти лет – они начались сразу после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. Однако это были непоследовательные, несистемные преобразования, которые не разрешили ключевые проблемы социально-экономического развития: несоответствие цен и заработной платы, а также различия в функционировании государственного и частного секторов. Оба вопроса были урегулированы только в 1990-х гг. после преодоления «тяньаньмэньского кризиса».

Более уверенным преобразованиям в 1980-е гг. мешала острая политическая борьба между представителями консервативного и реформистского направлений в руководстве Коммунистической партии Китая (КПК)². Консерваторы противились слишком быстрому и радикальному реформам, которые, по их мнению, вели к буржуазной либерализации, реставрации капитализма и в конечном итоге угрожали привести к кризису легитимности КПК. Реформаторы выступали за рыночные реформы в экономической сфере и демократизацию политического процесса.

Разногласия между фракциями в конце 1980-х гг. достигли состояния непримиримой борьбы, и разрешиться они могли только в результате решительной победы одной из них. Это условие привело к формированию парадокса, имеющего ключевое значение для постановки исследовательского вопроса статьи – победа консерваторов привела к последовательному и системному проведению реформ, против которых они боролись.

Это противоречие игнорируется отечественными публицистами, которые обращаются к событиям 1989 г. в КНР с целью найти ответ на вопрос: в чем на рубеже 1980-90-х гг. ошибся Советский Союз, и в чем заключается секрет успеха Китая? За редким исключением авторы, задававшие этим вопросом, слабо знают или вовсе игнорируют сложную картину политических и экономических процессов в Китае 1980-х гг., что приводит к схематичным и упрощенным представлениям о мотивах субъектов «тяньаньмэньского кризиса». В литературе действия протестующих, поддержанные реформаторами, оцениваются исключительно как попытка свержения власти правящей партии по сценарию восточноевропейских революций 1989 г., а действия их оппонентов – как акт политической мудрости, направленный на проведение умеренных реформ. За наслоением мифологем и оторванных от фактуры интерпретаций теряется суть событий. Ревизионистский анализ проводится с опорой на вновь открытые источники посредством использования вводных, характерных для более позднего времени (например, практики США по ин-

¹ В статье мы будем также называть его «тяньаньмэньский кризис» или «события на площади Тяньаньмэнь», хотя географический охват кризиса шире, о чем будет сказано отдельно.

² Подробнее см. Карпов, 1997.

спирированию «цветных революций»³. Подобный подход искажает понимание объективных социально-политических процессов, протекавших в Китае в частности и в трансформирующихся обществах (к которым относится и Россия) в целом⁴.

Чаще всего подобные «исследователи» приходят к выводу, который представляется вполне корректным: разрешение политического кризиса 1989 г. путем жестких подавлений протестных выступлений в конечном итоге способствовало укреплению власти Коммунистической партии Китая и позволило китайскому руководству провести системные рыночные реформы в середине 1990-х гг. Вместе с тем аргументация, которая используется авторами, не выдерживает никакой критики. Фактически этот вывод получается не благодаря анализу, а вопреки его отсутствию. Не будет преувеличением и сказать, что он подгоняется под тот объективный результат, который хорошо известен публицистам 2000–2010-х гг.: Китай вышел из кризиса окрепшим, а Советский Союз развалился.

Цель данной статьи заключается в определении причинно-следственных связей, которые превратили победу консерваторов в триумф реформ в скорректированном виде. Не меньший интерес представляет и сравнение пост-тяньаньмэньских процессов с российскими реалиями. Ведь если политический кризис 1989 г. стал для Китая отправной точкой для системных реформ, то почему этого же не произошло в СССР, и была ли в истории постсоветской России такая точка?

Ориентируясь на формат научной статьи, автор не имеет возможности привести развернутую хронологию «событий на площади Тяньаньмэнь», а также углубиться в анализ первопричин кризиса, хотя новые источники позволяют дополнить привычный нарратив рядом нюансов⁵. Настоящая статья концентрируется на комплексной оценке содержания «тяньаньмэньского кризиса» и анализе его последствий, чему посвящены соответствующие разделы основной части работы. По результатам исследования делаются выводы, касающиеся в т.ч. и указанного выше аспекта сравнения с ситуацией в России.

³ Количество таких работ насчитывает десятки, и, с одной стороны, было бы несправедливым (и не вполне корректным) выделять наиболее характерные из них, с другой стороны, чтобы не быть голословным, автор вынужден назвать несколько образцов подобного подхода: Лещенко В. (2004) Взгляд на Китай, где ГКЧП победил. Китай и Россия: выбор жизни и смерти. *Православное информационное агентство*, 9 сентября. Available at: <https://rusk.ru/st.php?idar=710868> (дата обращения: 03.04.2022); Пронин Ю. (2019) Китайский майдан: к 30-летию событий на площади Тяньаньмэнь. *Альтаир*, 07 июня. Available at: https://altair.ru/new/policy/chinese_independence_the_30th_anniversary_of_events_in_tiananmen_square (дата обращения: 03.04.2022); Грачев Ю. (2016) Площадь Тяньаньмэнь: урок, не воспринятый Россией. *Русская народная линия*, 15 декабря. Available at: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/12/15/plowad_tyan_an_me_n_urok_ne_vosprinyatyj_rossiej (дата обращения: 03.04.2022).

⁴ Подробнее автор развил эту мысль в статье: Зуенко И.Ю. (2019) Как не стоит интерпретировать события на площади Тяньаньмэнь. *Профиль*, 4 июня. Available at: <https://profile.ru/politics/china/kak-ne-stoit-interpretirovat-sobytiya-na-ploshhadi-tyananmen-146989> (дата обращения: 03.04.2022).

⁵ Для общего понимания ситуации см. Усов, 2006. Автор данной статьи также затрагивал событийную сторону вопроса в монографии Зуенко, Савченко, 2023 и статье Зуенко, 2022b.

Генезис кризисного явления

Анализ «тяньаньмэньских событий» требует определения их масштабов и ответа на вопрос “*cui prodest?*” – кому они оказались выгодны?

Во-первых, протестное движение не было локализовано лишь в Пекине. В апреле 1989 г., после смерти бывшего генерального секретаря КПК Ху Яобана, постепенно вспыхнули все крупные города Китая, в которых находились вузы. 15 апреля одновременно с возложением первых цветов к памятнику Народным героям на площади Тяньаньмэнь и собраниями в пекинских вузах, аналогичные мероприятия прошли в Тяньцзине и Сиане (Zhang, 2001: 24, 34). В Нанкине студенты рассчитывали провести демонстрацию, однако петиция была отклонена. Студенты все равно вышли на улицы, в результате чего 20 апреля демонстрация переросла в протесты, а протесты – в задержания в Сиане. В тот же период аналогичные процессы протекали в Чэнду, который стал вторым после Пекина центром протестного движения (Zhang, 2001: 198). 22 апреля демонстрации в Чанша – на родине Ху Яобана, приуроченные ко дню похорон политика, привели к беспорядкам: дракам и грабежу магазинов. Полиция применила силу и задержала более 100 погромщиков (Zhang, 2001: 51). Повсеместная эскалация протестного движения, как и в Пекине, началась в ответ на передовую статью «Жэньминь жибао» от 26 апреля 1989 г., которая дискредитировала демонстрантов: уже 27 апреля многотысячные манифестации прошли в Шанхае, Хэфэе, Шэньяне, Чанчуне, Цзинане, Ханчжоу, Иньчуане, Чунцине, Тайюане. Возможно, выступления были и в других городах, но достоверных сведений об этом нет (Zhang, 2001: 198–202). Не меньший толчок к развитию движения дало введение военного положения 21 мая при наличии инструкции не применять силу. С середины мая активисты протестного движения начали съезжаться в Пекин, из-за чего в регионах (за исключением Чэнду) ситуация стабилизировалась⁶. Подавление протестов на площади Тяньаньмэнь в ночь с 3 на 4 июня 1989 г. привело к активизации протестов в крупных городах страны, причем наибольший размах отмечался в Чэнду, Ухане и Шанхае. По свидетельству газеты «Нью-Йорк Таймс», в Чэнду в ходе подавления выступлений применялось огнестрельное оружие и пострадало не менее 100 человек⁷.

Во-вторых, «тяньаньмэньские события» в целом оказались на руку «консерваторам». При этом нет подтверждений того, что протесты были кем-либо спровоцированы, организованы или, как минимум, организованы должным образом. От начала и до конца «тяньаньмэньское движение» было неодно-

⁶ Cheng E. (2009) Standoff at Tiananmen: Table of Contents. *Standoff At Tiananmen*, 22 March. Available at: <http://www.standoffattiananmen.com/2009/03/standoff-at-tiananmen-table-of-contents.html> (accessed 17 May 2022).

⁷ Bernstein R. (1989). Turmoil in China; Far from Beijing's Spotlight, A City Bears Scars of Clashes. *The New York Times*, 15 June. Available at: <https://www.nytimes.com/1989/06/15/world/turmoil-in-china-far-from-beijing-s-spotlight-a-city-bears-scars-of-clashes.html> (accessed 17 May 2022).

родным с социальной и идеологической точки зрения, не имело общепризнанной программы и единого руководства (а кандидаты на эту роль конфликтовали друг с другом⁸). По мнению очевидцев событий, «студенты сами не понимали, чего они хотят», было «непонятно, с кем договариваться»⁹. Неоднократные попытки властей провести переговоры с лидерами студентов срывались, а принятые стихийными организациями решения и резолюции зачастую пересматривались на следующий день или не признавались другими участниками конфликта.

Анализ действий и высказываний Чжао Цзыяна, номинального лидера реформаторов, показывает, что генеральный секретарь был заинтересован не в эскалации, а в мирном разрешении конфликтной ситуации (Zhao, 2009: 61–69). Более того, Чжао изначально не оценивал ее как критическую, а потому сразу после похорон Ху Яобана уехал с официальным визитом в КНДР, чем воспользовались консерваторы, издав провокационную «передовицу 26 апреля». Как отмечает М.В. Карпов, «Если бы у Чжао Цзыяна получилось вернуть студентов в аудитории и таким образом выполнить желание Дэна, продемонстрировав при этом явные просчеты консерваторов, положение генерального секретаря могло бы сильно укрепиться, и его усиливающаяся политическая изоляция была бы сведена на нет» (Карпов, 1997: 137–138).

С началом голодовки, поставившей власти в неудобное положение ввиду отмены церемонии встречи М.С. Горбачева, стало понятно, что посреднические функции Чжао провалились. При этом о собственных амбициях лидера протестного движения он так и не заявил, продолжая себя вести как «верный подчиненный» Дэн Сяопина. 17 мая на совещании Постоянного комитета Политбюро, которое прошло на квартире Дэна, Чжао Цзыян при поддержке Ху Цили предложил официально опровергнуть содержание «передовицы от 26 апреля» (Zhao, 2009: 88–89), что свидетельствует о том, что он продолжал действовать в рамках существующей системы принятия решений. После того, как предложение отклонили в пользу начала подготовки к чрезвычайному положению, Чжао Цзыян принял решение просить об отставке. Его выход к протестующим 19 мая, за день до введения военного положения, свидетельствовал не о готовности возглавить движение, а о полнейшей фрустрации.

Таким образом, развитие событий оказалось на руку консерваторам, которые смогли воспользоваться ситуацией для выставления реформаторов в неблагоприятном для них свете. Консерваторам была выгодна и публикация оскорбительной для студентов передовицы в «Жэньминь жибао», и промедление с применением силы после введения чрезвычайного положения. В результате они получили сильные аргументы в пользу силового подавления высту-

⁸ Cheng E. (2009) Standoff at Tiananmen: Table of Contents. *Standoff At Tiananmen*, 22 March. Available at: <http://www.standoffat-tiananmen.com/2009/03/standoff-at-tiananmen-table-of-contents.html> (accessed 17 May 2022).

⁹ См., например, Токаев, 1994.

плений и отстранения от власти своих оппонентов, «допустивших» трагедию. Однако консерваторы не обвиняли Чжао Цзыяна в организации протестов (самое большое – премьер Государственного совета Ли Пэн назвал Бао Туна, секретаря Чжао Цзыяна, «слабым звеном», через которое информация о решениях руководства партии просачивается к протестующим (Zhao, 2009: 87). Для Дэн Сяопина, как и для других ветеранов партии, многотысячные демонстрации молодежи на площади Тяньаньмэнь не могли не навевать ассоциаций с временами «культурной революции». К тому же Дэн Сяопина раздражали выпады протестующих, обращенные против него лично. Поэтому расчет консерваторов был верен – убедившись в неконструктивности студенческого движения, Дэн Сяопин встал на сторону Ли Пэна и «консервативного сценария» дальнейшего развития событий.

Подавление «тяньаньмэньского движения» 3–4 июня 1989 г. знаменовало окончательное поражение во внутриэлитной борьбе Чжао Цзыяна и реформаторов. Также оно означало изменение самого характера политической борьбы и политического процесса в Китае. Воспоминания американского эксперта по национальной безопасности Б. Скоукрофта показывают, что последующие события в социалистическом лагере в течение 1989 г. (прежде всего, кровавое свержение румынского лидера Н. Чаушеску) лишь убедили пекинское руководство в правильности своего решения (Bush, Scowcroft, 1998: 178–179). Как отмечает М.В. Карпов, «Тяньаньмэнь стала прививкой от политической активности масс», события превратились в неоспоримый «аргумент для участников грядущих политических схваток» (Карпов, 1997: 153). После «тяньаньмэньского кризиса» все сценарии развития страны, допускающие вероятность повторения трагедии 1989 г., блокировались как неприемлемые. Соответственно были предприняты жесткие меры для того, чтобы протестная активность населения не принимала политического характера, усилена цензура в СМИ, снят с повестки вопрос о департократизации политической системы.

23–24 июня и 6–9 ноября 1989 г. состоялись 4-й и 5-й пленумы ЦК КПК 13-го созыва. Июньский пленум утвердил отставку Чжао Цзыяна, что было уже формальностью¹⁰. Ноябрьский пленум принял отставку Дэн Сяопина с поста председателя Центрального военного совета, что символизировало передачу власти от поколения Дэн Сяопина более молодому поколению во главе с Цзян Цзэмином.

Ноябрьский пленум также принял «Решение ЦК КПК о дальнейшем оздоровлении экономики и углублении реформы», которое де-факто являлось развитием установки на упорядочение и урегулирование народного хозяй-

¹⁰ На время расследования его деятельности в апреле–мае 1989 г., которое длилось до октября 1992 г., Чжао Цзыян, обвиненный в потворстве протестам, был помещен под домашний арест в нарушение уголовно-процессуального кодекса КНР. После окончания бывший генеральный секретарь оставался в условиях ограниченной свободы вплоть до своей смерти в 2005 г.

ства, принятой еще в сентябре 1988 г. Документ был подготовлен при прямом участии апологета плановой экономики Чэнь Юня (Fewsmith, 2008: 38). В соответствии с Решением были предприняты жесткие антикризисные меры по урегулированию экономики, абсолютно консервативные по своему характеру. Параллельно наблюдался беспрецедентный для пореформенного периода рост политической репрессивности режима.

Победители и проигравшие в кризисе

Казалось бы, консерваторы победили, и от руководства Китая можно было ожидать отката к политическим и социально-экономическим реалиям рубежа 1970–1980-х гг. Тем более, череда революций 1989 г. в семи странах «восточного блока» и в особенности события в СССР, близко к сердцу воспринимаемые китайской элитой¹¹, могли убедить Пекин в пагубности любых реформ. Однако этого не произошло.

Застой в экономическом развитии продолжался совсем недолго, и уже в 1991 г. по большинству экономических показателей был зафиксирован прирост (ВВП – 7%, валовая продукция промышленности – 12,9%, сельского хозяйства – 3%, объем внутренней торговли – 13,2%, грузооборот всех видов транспорта – 6,9%)¹². В апреле 1990 г. было принято решение о создании зоны развития «Пудун», что свидетельствовало о дальнейшем расширении политики открытости. В декабре 1990 г. в тестовом режиме была запущена Шэньчжэньская биржа ценных бумаг. В июле 1991 г. в Китайской академии общественных наук прошла конференция по теоретическим вопросам экономической сферы на современном этапе, на которой Лю Гогуан, У Цзинлянь и другие ведущие экономисты провозгласили, что применение отдельных рыночных элементов не противоречит построению социализма¹³. Несмотря на негативную реакцию на «тяньаньмэньские события» со стороны США и их союзников, уже в 1990–1991 гг. контакты, внешнеторговое и инвестиционное сотрудничество возобновились. Визит в Пекин в ноябре 1991 г. госсекретаря США Дж. Бейкера ознаменовал окончание конфронтации сторон¹⁴. Санкции, введенные США, оказались по большей части символическими¹⁵.

Почему же так произошло? Ответ, по-видимому, лежит в плоскости анализа политической борьбы. Во-первых, сами консерваторы признавали успех многих реформ. Да, они боялись чересчур быстрого экономического роста, который был чреват социальными издержками, держались за госсектор и

¹¹ См. Зуенко, 2021.

¹² *中国统计年鉴* (1991) [Чжунго тунцзи няньцзянь: 1991. Статистический ежегодник Китая: 1991]. Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ, 1991. С. 183.

¹³ *刘国光口述改革访谈笔录摘要* (2021) [Лю Гогуан коушу гайгэ фантань билу чайяйсюань. Протокол беседы с Лю Гогуаном]. Ред. Чжао Вэй. Available at: <http://rhb.reformdata.org/index.html#/article/8eb29f18-a966-4e3d-bb42-a1a9f804697a> (accessed 10 February 2022).

¹⁴ *Китайская Народная Республика в 1991 году: Политика, экономика, идеология*. Москва: Восточная литература, 1994. С. 5.

¹⁵ См. Зуенко, 2022а.

план, то есть хотели подкорректировать реформы, но не могли отказаться от них вообще. Во-вторых, оппозиция консервативному курсу в руководстве не исчезла, просто сейчас она уже не связывалась с политической реформой, демократизацией и не вела к дестабилизации обстановки в стране. Самое главное – в оппозиции консерваторам выступил Дэн Сяопин. В дни «тяньань-мэньского кризиса» он занял сторону «консерваторов», однако, как и ранее, старался не допустить чрезмерного крена как «вправо», так и «влево». Несмотря на то, что в течение 1989 г. он фактически лишился руководящих постов и в немалой степени авторитета в партии и обществе (Панцов, 2013: 469), Дэн сохранял определенное влияние, которое намеревался обратить на то, чтобы под занавес карьеры утвердить свое «политическое завещание» – прагматичный курс с элементами рынка и авторитаризма, главенством партии и сменяемостью партийных лидеров.

Активизация усилий Дэн Сяопина относится к 1991–1992 гг., когда он совершил две поездки (в литературе их называют «инспекционными поездками» или «турне»), в ходе которых выступал с речами в поддержку развития рынка и привлечения иностранных инвестиций. В январе 1991 г. Дэн посетил Шанхай, где рекомендовал местным властям взяться за развитие района Пудун. Там же он в очередной раз заявил: «Плановая экономика не означает социализм, а рыночная – капитализм. Нужно быть раскрепощенными, смелыми и скорыми в своей поступи» (Панцов, 2013: 473).

Новый шанхайский лидер Чжу Жунци в числе других региональных руководителей¹⁶ помог Дэн Сяопину в начале следующего, 1992 г., совершить знаменитую инспекционную поездку на юг (17 января – 21 февраля: Ухань, Чанша, Шэньчжэнь, Чжухай, Гуанчжоу, Шанхай). В ходе поездки Дэн активно встречался с чиновниками, интеллигенцией, простыми горожанами, раз за разом выражая поддержку курсу на ускорение реформ и открытость миру. В отдельных выступлениях Дэн перешел в открытую атаку на консерваторов: «Левизна в истории нашей партии – страшная вещь. Она моментально губила все хорошее» (Панцов, 2013: 475).

Пока центральная пресса молчала о поездке Дэна, на его стороне выступила местная печать, подконтрольная лидерам Шанхая и Гуандуна, настроенным правоцентристски. Первые сообщения о южном турне Дэн Сяопина появились в шанхайской «Цзефан жибао» (15 февраля 1992 г.). Также активно освещала поездку гуандунская «Наньфан жибао». Заминка с публикацией в центральных СМИ новостных заметок и речей Дэн Сяопина на юге отражает серьезную закулисную борьбу в Пекине. К 1992 г. консерваторы контролировали партийные и теоретические издания, и лишь 21 февраля 1992 г. «Жэньминь жибао» опубликовала статью о южном турне, содержащую призыв «укреплять

¹⁶ Региональные лидеры, опасавшиеся в случае победы консерваторов потерять свои преференции, в основном выступили на стороне реформистов.

реформы». Этот момент знаменует не только переход газеты на сторону правоцентристов, но и общий крен руководства партии от позиций консерваторов к правоцентристской позиции Дэн Сяопина. Начиная с февраля 1992 г., ее открыто начинает придерживаться и Цзян Цзэминь.

Таким образом, южное турне Дэн Сяопина 1992 г. действительно выглядит вехой на пути китайских внутривластных преобразований, после которой условный период «интерлюдии», начавшийся с разгона демонстрантов на площади Тяньаньмэнь, сменился возобновлением реформ. Однако на самом деле турне является такой вехой примерно в той же степени, как и 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г., то есть как символическое событие, которое важно не содержанием, а его интерпретациями. Действительно, без мощной поддержки в регионах и в Пекине (Чжу Жунцзи, Ян Шанкунь, Бо Ибо и, вероятно, Цзян Цзэминь) турне Дэна на юг не могло быть организовано, ни, тем более, широко освещено (Fewsmith, 2008: 76). Быстрота принятых решений по итогу поездки доказывает, что подготовка к нему велась заранее и была направлена на то, чтобы сломить сопротивление консерваторов через апелляцию к авторитету Дэн Сяопина и волю народа. Вернее, добиться с ними нового компромисса, поскольку новая конфигурация власти и новый курс партии, который определялся бы стремлением к продолжению экономических преобразований при сохранении партотократического устройства страны, включал в себя как реформистские, так и консервативные установки.

Вместо заключения: «Тяньаньмэньские события» как системообразующий кризис в КНР и параллели с Россией

Таким образом, после политического кризиса 1989 г. осознание необходимости консолидации элиты перед лицом серьезных вызовов способствовало выработке межфракционных соглашений. В конечном итоге сторонники правоцентристских реформ достигли компромисса с консерваторами и вышли на первые роли. Политическая повестка вновь оказалась обращенной в сторону реформ. Причем на этот раз государство смогло провести долгожданные системные преобразования, разрешив многие из противоречий, накопившихся за 1980–е гг. Этому способствовал ряд факторов, напрямую восходящих к последствиям «тяньаньмэньского кризиса».

Во-первых, было снято острое противоречие между двумя противоположными направлениями в КПК. Долгий и противоречивый процесс политической борьбы за определение будущего вектора развития Китая, начавшийся после смерти Мао Цзэдуна, завершился лишь в 1992 г., когда Дэн Сяопин и Чэнь Юнь окончательно покинули политику, была ликвидирована Центральная комиссия советников (ее аналоги существовали и на местах), а Цзян Цзэминь укрепился в качестве лидера партии и государства через восстановление практики совмещения высших партийных и государственных постов.

Ключевое значение для завершения длительного этапа политической борьбы имело то, что к рубежу 1980–90-х гг. к пределу своих физических сил подошло поколение «старых кадров», руководивших страной еще

в 1950–60-х гг. и составлявших консервативную оппозицию реформаторскому курсу в 1980-х. Новое поколение руководителей, родившихся в 1920-х гг., показало себя более прагматично настроенным и свободным от идеологических догм при выборе курса развития страны. С одной стороны, они проявили верность формуле «четырёх базовых принципов»¹⁷, не допуская при этом крена «влево» или «вправо» относительно идеологического мэйнстрима. С другой стороны, будучи гибкими в вопросах тактики и стратегии, они проявили жесткость в вопросе подавления угрозы партократическому режиму.

Становление представителей «третьего поколения руководителей» происходило в условиях либерализации экономики 1980-х гг. и под впечатлением от разгрома квазифракций, связанных с Ху Яобаном и Чжао Цзыяном. Следствием двух этих разнонаправленных процессов стала предельная прагматичность новых лидеров правящей элиты, готовность декларировать верность «политической формуле», в то время как реальная управленческая (прежде всего, экономическая) практика зачастую оказывалась противоположной.

Во-вторых, в качестве реакции на «тяньаньмэньские события» в руководстве КНР стала доминировать консервативная установка о недопустимости разделения партийного и административного аппарата и снижения роли партии в жизни общества. Дополнительным фактором стали наблюдения за событиями в СССР, который для части руководства КПК на протяжении большей части карьеры служил образцом для подражания. После распада Советского Союза «перестройка» в китайских исследованиях стала восприниматься исключительно в контексте потери власти правящей партией.

В-третьих, проблемы неэффективности госсектора и бюджетный дефицит, проявившиеся в годы «урегулирования экономики» (1988–1991 гг.), не позволяли остановиться на данном статус-кво и вынуждали искать пути дальнейшего развития. У нового, более прагматичного руководства страны назрело решение об окончании периода «интерлюдии реформ» и переходе к демополизации положения госсектора в экономике. Его необходимо было легитимизировать в глазах элиты и общества, что было сделано, когда принятие решений о радикализации экономической реформы оказалось приурочено к южному турне Дэн Сяопина в январе–феврале 1992 г.

Таким образом, «тяньаньмэньский кризис» стал важнейшим фактором формирования в КНР в 1990-х гг. условий для перехода к системным реформам, несмотря на тактический результат его преодоления, заключавшийся в победе консерваторов.

¹⁷ «Четыре базовых принципа» были сформулированы Дэн Сяопином 30 марта 1979 г. на совещании по вопросам теоретической работы в докладе «Придерживаться четырех основных принципов» в привязке к достижению задачи «четырёх модернизаций». Сами принципы: 1) следовать пути социализма, 2) придерживаться диктатуры пролетариата – в 1982 г. эта формулировка была заменена на «народно-демократическая диктатура», 3) сохранять руководящее положение Коммунистической партии, 4) придерживаться марксизма-ленинизма и идей Мао Цзедуня. В сентябре 1982 г. на XII съезде партии «принципы» были включены в новую редакцию Устава КПК. В декабре 1982 г. «принципы» по отдельности были упомянуты в преамбуле к новой Конституции КНР.

При этом, как мы увидели, «тяньаньмэньский кризис» для современников не воспринимался как революция. Это был момент эскалации острого политического кризиса ввиду усиления конфликта между двумя направлениями внутри правящей партии. При этом при всей непримиримости своих идеологических позиций ни те, ни другие не ставили под вопрос сохранение у власти Коммунистической партии, а протестующие не представляли (во всяком случае на момент событий 3–4 июня 1989 г.) консолидированной оппозиционной силы.

Большинство российских публицистов, касавшихся в своих работах «тяньаньмэньских событий», явно преувеличивают экзистенциальность кризиса для власти КПК. Все умозрительные конструкции по поводу того, что Пекин, применив силу, оказался мудрее заигравшейся в перестройку Москвы, не учитывают критически важного обстоятельства: к 1989 г. различия между процессами реформ в двух странах зашли слишком далеко. Обе страны начали в свое время с декоративных преобразований при сохранении действовавшей системы¹⁸, однако специфика Китая позволила относительно быстро добиться ощутимых результатов на этом пути.

Речь, прежде всего, о «наследии культурной революции» в виде значительной децентрализации экономики и низкого уровня жизни населения. Социально-экономические эксперименты на местах в условиях децентрализации оказались весьма плодотворны, а явное улучшение качества жизни, последовавшее за первыми реформами, обеспечило им поддержку населения. В СССР качество жизни, напротив, падало, а неспособность реализации и даже сопротивление региональных и местных органов партии курсу на «ускорение» в начальной стадии перестройки привели советских лидеров к решению о департократизации с целью опоры на инициативу масс. Это спровоцировало крах правящей партии и, как следствие, союзного государства.

При этом нужно учитывать, что две страны находились в различных условиях. Китайские успехи были основаны на дешевом труде, притоке зарубежных инвестиций, огромном спросе на китайские товары на внешних рынках и благоприятном геополитическом фоне, когда Запад не требовал от КПК соответствия внешним идеологическим нормам. Китайская элита была гомогенной как по этническому происхождению, так и по жизненному опыту. Ее пронизывало множество ниточек личных связей (гуаньси), которые позволяли в нужный момент консолидироваться, даже несмотря на разногласия. Китай мог не отвлекаться на Холодную войну и гонку вооружений и не должен был поддерживать множество «дружественных» режимов по всему миру. Китайские идеологи были эклектиками: отчасти поневоле, отчасти по причине слабой теоретической подготовки. В результате они с легкостью вписывали в

¹⁸ Подробнее см. Зуенко, Савченко, 2023.

свою программу любые веяния времени. КПК, пережив кризис социалистической идеологии, стала лишь сильнее, превратившись в националистическую партию, целью которой было провозглашено возрождение национального величия.

Ситуация в Советском Союзе по всем пунктам была обратной. Поэтому оснований утверждать, что все проблемы гибнущего СССР можно было бы решить, в нужный момент приняв мудрое силовое решение, нет никаких. Если уж на то пошло, у Москвы попросту не было возможности воспользоваться пекинским опытом. Беспорядки на национальных окраинах, например, в Тбилиси в апреле 1989 г., также подавлялись. В столице же что-то похожее на «тяньаньмэньские события» (безусловно, с поправкой на масштаб и мотивы сторон) произошло во время августовского путча 1991 г., но тогда народ вышел на улицу, протестуя, прежде всего, против путчистов, а не для свержения законной власти.

Тяньаньмэньские демонстранты также не артикулировали желание свергать КПК. Лишь ошибки в коммуникации со стороны властей (либо злонамеренное желание затянуть и маргинализировать выступления) довели до ситуации, когда «праздник непослушания» пришлось прекращать с помощью танков. Реальной альтернативы силовому сценарию не было, но ничего мудрого в его применении нет. Более того, отказ от поиска компромисса на более ранних стадиях обернулся для Китая торможением реформ, ухудшением международного имиджа, появлением «скелета в шкафу», который является поводом для упреков в отношении Пекина¹⁹.

Однако, именно это, как ни парадоксально, и развязало китайскому руководству руки. Политический курс проводился уже без оглядки ни на мнение зарубежных партнеров (они, надо сказать, проявили гибкость и фактически «спустили на тормозах» конфликтную ситуацию после 1989 г., что лишь убедило китайских лидеров в своей правоте), ни на оппозицию внутри самой Коммунистической партии Китая. В этом смысле можно в очередной раз повторить слова, сказанные в начале статьи: *«тяньаньмэньский кризис» действительно стал тем самым «системообразующим кризисом», который создал нынешний Китай.*

В разваливающемся СССР рубежа 1980–90-х гг. ни одна из кризисных ситуаций не могла выполнить такую роль, потому что, как было сказано выше, насилие вело не к консолидации элиты, а лишь к ее еще большему расслоению и расхождению. В этом плане справедливой представляется оценка М.С. Горбачева, который полагал, что «применение силы [в ситуациях, аналогичных заключению Беловежских соглашений 1991 г.] завершилось бы расколом всего – армии, милиции, гражданским конфликтом, а, возможно, и гражданской войной»²⁰.

¹⁹ См. Зуенко И.Ю. (2019) Почему Китай «забыл» о Тяньаньмэнь. *Ведомости*, 07 июня. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/06/07/803639-pochemu-kitai> (дата обращения: 21.04.2022).

²⁰ Горбачев М.С. (2021) Понять перестройку, отстоять новое мышление. *Россия в глобальной политике*, 02 августа. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/ponyat-perestrojku> (дата обращения: 18.04.2022).

Однако, процесс распада, продолжившийся в постсоветской России, в какой-то момент, оказался остановлен и сменился трендом на восстановление государства, причем, по сути, по той же формуле, что и в КНР: сочетание правоцентристских реформ в экономике при сохранении политической стабильности. Вехой в этом переходе, по мнению автора, также является кризисная ситуация, а именно события 1998–1999 гг. (прежде всего, «августовский экономический кризис» 1998 г. и начало Второй чеченской войны, поставившей государство перед угрозой фактического полураспада). Влияние кризиса позволило политической элите, во-первых, встать на путь консолидации перед лицом рисков нового витка социальной нестабильности и развала единого государства с непредсказуемыми для нее последствиями, а, во-вторых, «начать с нового листа» в экономической сфере, проведя давно назревшие реформы в условиях рухнувшего рынка спекулятивного капитала и недоступности внешних займов. В определенном смысле современная Россия так же, как современный Китай «вышел» из «тяньаньмэньского кризиса» и событий 1989–1992 гг., «вышла» из событий рубежа веков – прежде всего, успешной операции по наведению конституционного порядка в Чеченской Республике в 1999–2000 гг.

Список литературы

1. Bush G., Scowcroft S. (1998) *A World Transformed*. New York: Alfred A. Knopf. 624 p.
2. Fewsmith J. (2008) *China since Tiananmen: From Deng Xiaoping to Hu Jintao*. Cambridge: Cambridge University Press. 358 p.
3. Zhang L. (2001) *The Tiananmen Papers*. Ed. by A. Nathan, P. Link. New York: Public Affairs. 582 p.
4. Zhao Z. (2009) *Prisoner of the State: The Secret Journal of Premier Zhao Ziyang*. Ed. by Pu B., Chang R., Ignatius A. New York: Simon & Schuster. 590 p.
5. Зуенко И.Ю. (2021) Китай и события 1991 г. в Советском Союзе (к 100-летию Коммунистической партии Китая и 30-летию распада СССР). *Международная аналитика*. 12(1): 96–111. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-1-96-111.
6. Зуенко И.Ю. (2022a) Американские санкции в отношении Китая: опыт 1990–2010-х гг. *Россия и Америка в XXI веке*. 6(6): 16. DOI: 10.18254/S207054760023470-4.
7. Зуенко И.Ю. (2022b) Выученный урок: «январский кризис» 2022 года в Казахстане и события на площади Тяньаньмэнь 1989 года в ретроспективе биографии К.К. Токаева. *Известия Восточного института*. 2(54): 85–95. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-2/85-95.
8. Зуенко И.Ю., Савченко А.Е. (2023) *Центр–региональные отношения в Советском Союзе / России и Китае в период реформ (1980–1990-е годы)*. Москва: МГИМО–Университет. 362 с.
9. Карпов М.В. (1997) *Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989)*. Москва: ИСАА МГУ. 199 с.
10. Панцов А.В. (2013) *Дэн Сяопин*. Москва: Молодая гвардия. 556 с.
11. Токаев К.К. (1994) *Как это было. Хроника волнений в Пекине (апрель–июнь 1989 г.)*. Алматы: СП «Диана». 46 с.
12. Усов В.Н. (2006) *История КНР. В 2 т. Т. II. 1966–2004 гг.* Москва: АСТ: Восток–Запад. 718 с.

A SYSTEMIC CRISIS: POLITICAL CONSEQUENCES OF THE 1989 TIANANMEN SQUARE EVENTS

Dr Ivan Yu. Zuenko – Assistant Professor at Department of Oriental Studies, Senior Research Fellow at the Center for Eurasian Studies, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-9853-9703. E-mail: i.zuenko@inno.mgimo.ru.

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received May 11, 2023

Accepted July 15, 2023

Abstract: The article attempts to revise the understanding of the nature of China's 1989 Tiananmen Square crisis and its consequences in the context of comparison with Soviet/Russian history of 1980–1990s. Several dozens of studies and op-ed pieces focused on the problem earlier (especially in Russian-language literature) but these papers lacked Chinese sources, intended to liken the Tiananmen Square crisis to the Russian agenda, and simplified complicated cause-effects relations of the Chinese historical process. As a result, the conclusions are limited to the question of the necessity of a decisive crackdown on any turmoil or political manifestation as a sole tool to protect one nation's stability and prosperity. China's stability and prosperity after the Tiananmen Square Crisis should not be seen as a result of crackdowns. Paradoxically, despite the conservatives' victory in 1989, China got back to the path of reforms several years after the Tiananmen Square events. It can be attributed to the complex set of internal and external factors, and the freezing of China's political reforms was just one of them. Moreover, the process was facilitated not only by overcoming its political crisis but also by observing the revolutions of 1989 in Eastern Europe. Faced with the threat of being ousted from power, China's elites consolidated – a factor that became crucial for the implementation of systemic market reforms in the 1990s.

Keywords: China, Tiananmen Square, crisis, reforms, Deng Xiaoping, Zhao Ziyang, Jiang Zemin, Zhu Rongji.

References:

1. Bush G., Scowcroft S. (1998) *A World Transformed*. New York: Alfred A. Knopf. 624 p.
2. Fewsmith J. (2008) *China since Tiananmen: From Deng Xiaoping to Hu Jintao*. Cambridge: Cambridge University Press. 358 p.
3. Karpov M.V. (1997) *Ekonomicheskie reformy i politicheskaja bor'ba v KNR (1984–1989) [Economic Reforms and Political Struggle in PRC: 1984–1989]*. Moscow: ISAA MGU. 199 p. (In Russian).
4. Pancov A.V. (2013) *Deng Xiaoping*. Moscow: Molodaja gvardija. 556 p.
5. Tokaev K.K. (1994) *Kak eto bylo. Hronika volnenij v Pekine (aprel'–jun' 1989 g.)* [How it Was: Chronicle of Turmoil in Beijing: 1989, April–June]. Almaty: SP «Diana». 46 p. (In Russian).
6. Usov V. N. (2006) *Istorija KNR [History of PRC]*. 2. 1966–2004. Moscow: AST: Vostok-Zapad. 718 p. (In Russian).

7. Zhang L. (2001) *The Tiananmen Papers*. Ed. by A. Nathan, P. Link. New York: Public Affairs. 582 p.
8. Zhao Z. (2009) *Prisoner of the State: The Secret Journal of Premier Zhao Ziyang*. Ed. by Pu B., Chang R., Ignatius A. New York: Simon & Schuster. 590 p.
9. Zuenko I.Yu. (2021) Kitaj i sobytija 1991 g. v Sovetskom Sojuze (k 100-letiju Kommunisticheskoj partii Kitaja i 30-letiju raspada SSSR) [China and 1991 in Soviet Union: for the 100th Anniversary of Communist Party of China and the 30th Anniversary of the USSR Collapse]. *Mezhdunarodnaya analitika* [Journal of International Analytics]. 12(1): 96–111. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-1-96-111. (In Russian).
10. Zuenko I.Yu. (2022a) Amerikanske sankcii v otnoshenii Kitaja: opyt 1990–2010-h gg. [American Sanctions Against China: 1990–2010s]. *Rossija i Amerika v XXI veke* [Russia and America in the 21st Century] 6: 16. DOI: 10.18254/S207054760023470-4. (In Russian).
11. Zuenko I.Yu. (2022b) Vyuchennyj urok: «janvariskij krizis» 2022 goda v Kazahstane i sobytija na ploshhadi Tjan'an'mjen' 1989 goda v retrospektive biografii K.K. Tokaeva [A lesson learned: 2022 January crisis in Kazakhstan and 1989 Tiananmen crisis in biography of K.K. Tokaev]. *Izvestija Vostochnogo instituta* [Oriental Institute Journal]. 2(54): 85–95. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-2/85-95. (In Russian).
12. Zuenko I.Yu., Savchenko A.E. (2023) *Centr–regional'nye otnoshenija v Sovetskom Sojuze / Rossii i Kitae v period reform (1980–1990-e gody)* [Center–Local Relation in Soviet Union / Russia and China in Period of Reforms: 1980–1990s]. Moscow: MGIMO–Universitet. 362 p. (In Russian).